

МАККЕНЗИ КАДЕНХЭД

СНОВИДЦЫ

Не ты выбираешь сны, а сны выбирают тебя...

Настоящая сенсация!

Маккензи Каденхэд

СНОВИДЦЫ

«АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Каденхэд М.

Сновидцы / М. Каденхэд — «АСТ», 2017 — (Настоящая сенсация!)

ISBN 978-5-17-982647-7

Переходный возраст – не самое простое время. А если ты еще страдаешь расстройством сна и можешь нанести вред окружающим – это просто катастрофа. Особенно когда об этом узнаёт вся школа... Именно так случилось с Сарой Рейес. Но у Сары есть надежда: новое лекарство, способное ее вылечить. Сара готова принять участие в эксперименте, однако очень скоро она понимает: лечение не такое уж и безобидное... Возможно ли, что симпатичный парень из ее снов внезапно переводится в ее реальную школу? Что она с друзьями видит одни и те же сновидения? И действительно ли она может вселяться в тела своих обидчиков и управлять ими? А может, у Сары просто богатая фантазия – или это лекарство способно дать нечто большее, чем крепкий сон?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-982647-7

© Каденхэд М., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Маккензи Каденхэд

СНОВИДЦЫ

MacKenzie Cadenhead

SLEEPER

Печатается с разрешения литературных агентств Hodgman Literary и Andrew Nurnberg.

© MacKenzie Cadenhead, 2017

Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Маккензи Каденхэд начинала свою карьеру редактором комиксов «Marvel», потом создавала собственные тексты к графическим романам, в том числе и к серии «Marvel Adventures». А в 2017 году издала роман «Сновидцы» – дебют в качестве самостоятельной писательницы.

Превосходно написанный роман с необычайно обаятельной главной героиней – одновременно решительной, находчивой и такой хрупкой.

«*Kirkus Review*»

Посвящается Финну и Лире

Глава первая

Заметишь парящую в туманной пелене дверь – не открывай!

И не важно, что опасность тебе по душе, что любопытно и ты глазам не веришь – как это дверь висит в пустоте...

Обещай развернуться на сто восемьдесят градусов и бежать.

Другими словами, не повторяй моих ошибок: не тупи.

Сама дверь – так, ничего особенного: три панельки, растрескавшаяся белая древесина, позеленевшая медная ручка. И говорить-то не о чем. Но она настолько внезапно возникает из ниоткуда, что испытываешь волнение, словно в рождественское утро. Больше ничего не происходит. Серьезно, вообще ничего. В эфемерной пелене я совершенно одна. Спать я отправилась давно и успела заскучать. Поэтому такая неожиданность щекочет нервы.

Я тянусь, хочу повернуть ручку; даже не сразу доходит, что там меня могут не ждать распростертые объятия. Дверь висит неподвижно. И что? Я еще больше хочу ее открыть.

Смотрю на своего главного противника, во мне нарастает желание попасть внутрь, и вдруг вспоминаю Джиджи Макдоналд, капитана команды по лакроссу, которая для нас, порхающих вокруг мотыльков, как свет в окошке. Каждый раз, когда мы заваливаем подачу или даем возможность другому игроку прорваться и забить гол, она гоняет нас без капли жалости, пока мы все не отработаем. Но основной мотивирующий фактор у нее – футбольная команда.

– Хотите, чтобы футболисты держали нас за слабаков?! – орет она, пока на лбу не взбунтует венка. – Или покажете, что настоящие спортсмены способны не просто бегать по полю, натываясь на мяч?

Вопрос чисто риторический. Но сегодня ночью...

Я лицом к лицу с противником. Воочию представляя всех футболистов, которые глумились над женским спортом, делаю шаг назад, выставляю вперед плечо и со всей мочи тараню дверь. Дверь – нараспашку, я – лечу.

Прямо...

В чернью.

Тишину.

Воздух сдавливает грудь.

Жалящий ветер колет лицо, тыщ-тыщ, словно по щекам хлещут крылья миллионов бабочек. По ушам бьет так, что я уверена: барабанные перепонки сейчас лопнут. Во рту сухо, как в пустыне. И я моргаю, моргаю, моргаю, моргаю. Пытаюсь разглядеть хоть что-то в темноте. Я растворяюсь в небытии.

Но вдруг...

Все прекращается.

Перед глазами мелькает череда картинок: артритные голые ветки в лунном свете, каменистая тропка, что-то зеленое...

А потом я приземляюсь лицом вниз, прямо в бурюю грудь жухлых листьев. Лежу неподвижно, вдыхая бодрящий осенний воздух, который щекочет мне ноздри. Приподнявшись на локтях, отбрасываю листик, запутавшийся в густых темных волосах. Думала, что летела в неизвестность – в Зазеркалье, но это место оказывается мне знакомым.

Это природный заповедник позади футбольного поля Хорсменов. Ошибки быть не может: вон наш Пень – все, что осталось от могучего дуба, который срубили, когда мне было десять. Всем известно, что здесь допоздна тусуются крутые ребята из старшей школы Ирвингтона. Еще это своеобразный памятник – место, где кое-кто поднабрался жизненного опыта. Именно здесь я впервые попробовала пиво, и именно здесь меня, четырнадцатилетнюю

девчонку, поцеловал старшеклассник – звезда футбола. Вкус пива оказался на любителя, а вот поцелуй уже не забудется...

Сейчас ночь, и тут никого. Над головой нависают голые деревья, между скрюченными ветками которых ослепительная полная луна играет в прятки. Под ногами хрустят сучья. Огибаю какие-то камни, корни, наугад нащупывая дорогу, и скоро оказывается, что это и есть тропа. На мне все необходимое для пизжамной вечеринки, в чем я и легла спать: майка и коротенькие шортики. Чтобы согреться, растираю руки и пеняю на себя:

– Модница... Нет чтобы одеться по погоде.

Продолжая обреченно брести по тропинке, изо всех сил стараясь не обращать внимания на кожу, которая из-за мурашек превратилась в наждачку. Не сразу замечаю, что зашла уже очень далеко – эта часть леса мне незнакома. Неожиданно сломавшаяся под ногой ветка хрустит особенно громко, и я подпрыгиваю...

– Тс-с-с-с, – шикает кто-то справа.

Каждая моя клеточка напряглась. Присматриваюсь и замечаю, что, прислонившись к дереву, рядом стоит парень и разглядывает что-то перед собой. Рубашки на нем нет, темно-русые волосы немного выгорели на солнце, на животе четыре кубика из шести. Высокий – выше меня по крайней мере сантиметров на тридцать. Несмотря на широкие плечи, худощав и легко прячется за массивным стволом клена. Короткие, но густые вихры его шевелюры слегка кучерявятся, а длинный, немного смещенный нос обращает на себя невольное внимание харизматичной кривизной. Нос кажется косою стрелой, которая выскользывает из выдающегося лба и направляется прямо к чертовски привлекательному рту. Мое тело, теперь уже напряженное по несколько иной причине, пронзает приятная, но такая предательская сейчас дрожь. Я уже настроилась на дружеское общение, тем более что собеседник оказывается таким горячим...

Парень едва оценивает меня изумрудно-зелеными глазами и тут же возвращается к предмету своего наблюдения. Потом вытягивает руку, предлагая устроиться у него под боком в идеальном – прямо мой размерчик – укрытии.

Впервые не знаю, что делать.

В этом месте обычно не тратишь время на размышления. А зачем? Ведь нет никаких последствий, нет выпускного экзамена, никто не спросит тебя, почему и что именно ты думала в каждый конкретный момент. Есть только здесь и сейчас. Странно, что у меня возник непредвиденный порыв замаять ситуацию. Я что, стесняюсь? С чего бы? Здесь же все нереально. Неужели меня смущает именно то, что больше всего сейчас хочется принять предложение и прильнуть к этому полубожаженному лесному богу?

Попросив свою бессознательную сознательность пойти далеко и надолго, шагаю вперед. Вдыхаю рядом с этим божественным парнем полной грудью и забываю обо всем на свете. Дурманящий аромат мыла «Дав», оттеняя мальчишеский запах пота, манит меня прямо как рисованные струйки аромата в мультике про Скуби-Ду. И я проскальзываю в уготовленное для меня укрытие.

От парня исходит тепло, но от этого моя дрожь не проходит. Поднимаю голову и улыбаюсь. Он совсем не обращает на меня внимания, продолжая вглядываться в неведомую мне точку. Интересно, что может привлекать больше, чем полуголая девчонка, которая прижимается к твоей груди?

Хочу посмотреть.

Вдруг в невероятно ярком свете луны посреди полянки вдали замечаю лежащего оленка. Его глаза широко раскрыты, дыхание сбивается. В бок впилась стрела.

– Рана смертельна. Но умирать он будет очень долго, – по-прежнему не глядя на меня, произносит парень.

К горлу подкатывает комок, но когда я открываю рот, у меня не вырывается стон, и я спокойно говорю:

– Я знаю, что делать.

Через секунду я уже на полянке. Одну руку кладу на дрожащий подбородок олененка, другую на его затылок. Животное пытается сопротивляться. Но оно ранено, плохо соображает, и это мне только на руку.

Прижимаю оленя к земле ногами. Абсолютная уверенность в том, что в подобной ситуации убийство из жалости самый правильный поступок, придает сил.

Парень у дерева кричит. Кажется, он просит меня остановиться... Но я не могу.

Глаза олененка расширяются. Дыхание затухает. Мои руки еще сильнее сдавливают его подбородок и затылок. Захват закреплен. Все, через мгновение я готова свернуть ему шею.

– Нет! – заполняет все крик парня. – Проснись!

Все вокруг застывает. Расплываются контуры деревьев. Стихает ветер. Растворяется олененок, хотя я все еще чувствую его в своих руках.

Парень пропал, а на меня обрушиваются новые звуки. Сначала приглушенные. Теперь уже это крик.

– Сара! Прекрати! Ты ее убьешь! – вопит знакомый женский голос.

Картинка перед глазами снова приобретает четкие контуры. Не сразу, но я возвращаюсь к реальности. Теперь надо мною не потрясающая осенняя луна, а утопленные галогеновые лампы низкого потолка.

Опускаю взгляд и соображаю: я в каком-то подвале, а рядом, глядя на меня с ужасом, кричат две мои подруги.

– Прекрати! – умоляет Тесса. – Сара, ты должна остановиться!

Эмбер как ненормальная открыла рот, вцепившись в транс в подушку. Чувствую, подо мною что-то сопротивляется, пытается высвободиться.

Что-то я продолжаю удерживать руками и ногами. Нет, не что-то. Кого-то.

Это же Джиджи – наш школьный спортивный капитан!

Она буквально захлебывается в рыданиях. Бьется в стальном захвате моих рук, которые плотно зафиксированы на ее подбородке и затылке. Готовые свернуть шею.

Вот дерьмо, мелькает мысль, опять. Только не это...

Глава вторая

– Вот честно, не понимаю, зачем делать из этого трагедию, – удивляется Тесса, помешивая соус морковной палочкой. – Джиджи научилась замазывать на шее синяки еще в седьмом классе.

– Точно, – соглашаюсь я. – Хотя эти-то будут покрупнее, чем засосы Томми Марнигана. К тому же ее пытались убить. Она бесится из-за этого.

– Все одно, все едино... – Тесса вгрызается в морковку, и громкий хруст привлекает внимание девятиклассниц, которые, перешептываясь, бросают на нас любопытные взгляды из-за стола напротив. Хихикая, девчонки забирают подносы и уматывают.

– Должна признаться, Сара, не думала, что ты сможешь так взлететь. Статус симпатичной звезды спорта уже делал тебя королевой бала, а теперь эта мания убийства вообще превратила в секс-символ.

– Среди футболистов, – уточняю я.

– Почему же? Еще среди девчонок группы поддержки, – улыбается она. Затем становится серьезной, хмурит брови и тихо добавляет: – Я все равно считаю, что Джиджи слишком сурова, поливая тебя грязью. Еще и за одним столом с ней запретила тебе сидеть. Ты же не хотела ей навредить. Должна же она понять!

Вздыхаю. Тесса – хорошая подруга. По правде сказать, лучшая. Она решила разделить со мной последствия кошмарных выходных. Я не удивилась, но от этого ее решение не перестает быть менее ценным для меня. Тессу принято считать неопределившейся: по природе она равнодушна настолько, что не разрывается между бесчисленными группировками и каким-то образом всегда умудряется остаться в стороне от всех склок. Поэтому, если кто-то и захочет со мной пообщаться, ее никто привлекать для этого не будет. Я искренне признательна Тессе за стандартный в такой ситуации наезд на Джиджи из разряда «сам виноват». Это была милая попытка поднять мой дух. Но поддерживать видимость того, что мне все равно и «будь что будет», сейчас уже тяжело. Моя попытка непредумышленного убийства случилась уже три дня назад, а несостоявшаяся жертва так и не выказала никаких признаков того, что принимает мой довод о невиновности-вследствие-ночного-психоза. Понимаю, меня есть за что винить, и, справедливости ради, сама Джиджи никого не просила объявлять мне бойкот, но я все же потрясена, что она меня так запросто слила...

Мы с Джиджи дружим со времен юниорских состязаний. Мы вместе тащимся, когда нас бесплатно красят в «Сефоре», и она, не сомневаюсь, первой сбила бы соперника, схлестнувшегося со мной в игре. Но в последние дни я все чаще начинаю задумываться над тем, что наш статус «лучшие друзья навеки» в какой-то мере может оказаться относительным. На поле мы неразлучная парочка, читаем мысли и буквально предугадываем движения друг друга. Половину игры соперники пытаются нас разбить. Но у них не выходит. Потому что там мы одно целое.

Зато вне поля нет никакого *мы*. В маленькой армии Джиджи я только лишь идеальный солдат с адекватными запросами. Но меня все устраивало. Никакой переворот я никогда не замышляла. Из-за собственных скелетов в шкафу мне всегда было приятнее греться в отраженных лучах ее ослепительного сияния. Тепла оно давало достаточно: я и загар поддерживала, и ожог третьей степени получить не боялась. Но и тряпкой или шестеркой меня уж точно не назовешь. Выпусти на поле – и я порву любого соперника. Возьми на вечеринку – и я зажгу так, что ни один парень мимо не пройдет. Мне нравится чувствовать, как ноют мышцы и обжигает, врываясь в легкие, воздух, когда я делаю рывок, который кажется мне невыполнимым. Не меньше мне нравится и власть, которая появляется, когда побеждает мое природное женское обаяние.

В целом меня все устраивает. Но, если признаться, бывает, я не во всем согласна с тем местом, которое мне принято отводить в нашей маленькой вертикали власти. Помню, как я получила диплом за тест повышенной сложности по литературе, который, по мнению Джиджи, должны были вручить ей, потом я еще встречалась со звездным нападающим Хорсменов. И вот уже соучастница превратилась в соперницу. Стремительно. Сначала Джиджи «забывает» пригласить меня на выходные в торгово-развлекательный центр, потом меня не включают в список тех, кто ужинает в ресторане «Альп». Ну и наконец в машине, которая в субботу едет на ночную тусовку в лес, для меня не находится ни одного свободного местечка... В такие моменты, чтобы наладить отношения, я изо всех сил стараюсь вернуть свое место в тени королевы. Моя мама пашет на нескольких работах, чтобы у дочери все было не хуже, чем у других, отец за многие годы не прислал даже открытки на день рождения, а тут еще и я сама во сне устраиваю какое-то безобразие. Как видите, переживать есть из-за чего. Так зачем же мне рисковать самым стабильным в жизни – местом возле Джиджи – и спорить с ней? Должна же она это понять...

Подозреваю, с проблемами всегда так. Ты отчаянно стараешься их избежать, но как только они появляются, остается лишь надеяться, что все закончится, когда выйдешь замуж, а не когда померешь.

Бросаю взгляд туда, где Джиджи, Эмбер, другие мои бывшие друзья, расположившись за стойкой школьного буфета, старательно делают вид, что меня здесь нет. С горечью понимаю, будто догадка относительно непостоянства «дружбы навек» справедлива.

Вижу, как парни из высших социальных синдикатов притормаживают, чтобы выказать Джиджи свое участие: спортсмены, члены студсовета, даже несколько молодых учителей, похоже, все используют малейшую возможность добиться расположения Джиджи Макдоналд. А почему бы и нет? На бедняжку во сне напали, почти убили. И кто? Та, кого считали ее подругой.

При этом менее блистательные индивидуумы – пассивное большинство старшей школы Ирвингтона – мне робко и еле заметно улыбаются, тем самым несмело выражая свою поддержку.

Все это случилось не нарочно, но, похоже, это никого не волнует. Уже через несколько часов после инцидента в «Инстаграме» завели аккаунт, обнародовав детали из украденного у полицейских отчета и выложив снимки потрепанной ненакрашенной Джиджи со свежими синяками на шее и ключице, в крови и ссадинах.

Люди в соцсетях по большей части сочувствовали Джиджи, единодушно признав меня монстром. Растущее количество лайков в «Твиттере» и на странице «Фейсбука» под постом «Упокойся с миром Джиджи» оживили град хэштегов #псих@пижамнаявечеринка, что указывало на более пугающую меня тенденцию: школьные маргиналы наконец нашли в моем лице своего предводителя. Они окрестили меня героем.

При этом нужно знать Джиджи: больше всего ее бесит непослушание. Для нее то, что я пыталась понизить ее социальный статус, хуже настоящей угрозы смерти.

– Знаешь что, Тесса, – говорю я. – На тебя ведь никто не злится. И анафеме тебя не предавали. Не обязательно страдать вместе со мной.

– Издеваешься? – произносит она, тыкая в меня морковкой. На ее длинных, бронзового оттенка пальцах призрачное сияние соуса «Рэнч» молочного цвета смотрится очень эффектно. – И упустить шанс стать ближе к убийце? Мы же будем словно Кортни и Ким. Ну уж нет, сестренка! Давай-ка делись местом под лампой в комнате для допросов! Надо пользоваться моментом, пока все не кончилось. Грядет время запросов в колледжи, глядишь, какой-нибудь нервный выпускник покончит с собой, и тогда громы с молниями переметнутся на его голову.

– Мрачно вато выходит, Тесса, – вмешался мужской хрипловатый голос. – И, возможно, не совсем то, что сейчас нужно услышать Саре.

Джейми Вашингтон. Звездный нападающий, член студсовета, два года подряд висит на Доске почета и слывет весьма крупным специалистом в вопросе поцелуев взапас. Однажды Тесса сказала, что если бы Майкл Джордан с Майклом Б. Джорданом родили ребенка, тот был бы вылитый Джейми. Не могу не согласиться. К слову, это только усугубляет мое положение в качестве его бывшей.

– Сара, – произносит он с такой искренней заботой в голосе, что я вся напрягаюсь, удерживая порыв броситься к нему на шею (а это точно произойдет, если я начну жалеть сама себя). – Не против, если я присоединюсь?

Не дожидаясь моего ответа, подсаживается. Я стискиваю зубы и передергиваю плечами. Понимаю: Джейми делает мне одолжение. Моих потенциальных сторонников его поддержка подбодрит, а лицемеров из высшего круга может заставить пересмотреть свое отношение к охоте на ведьм. Еще это обязательно взбесит королеву. Но ему она никогда и слова поперек не скажет, потому что, как и Тесса, Джейми – любимчик. Он из Швейцарии. Надежный, верный приятель, искренней души человек. Никогда не упустит возможности поддержать друга в беде, даже если этот вышеупомянутый друг всего семестр назад разбил ему нос, заодно с сердцем. Первое вышло, когда я боднула его головой, вообразив себя азартным охотником – мы тогда случайно уснули во время просмотра кинофильма. Второе – когда предложила расстаться, вывалив на бедного парня: «Это для твоего же блага». И хотя мы остались в довольно-таки неплохих отношениях, обычно он со мной не обедает. Сейчас Джейми – просто хороший парень, который демонстративно меня поддерживает. Бог мой, как здорово было бы прильнуть к его груди...

– Присаживайся, звезда ты наша, – вставляет Тесса, деликатно заполняя возникшую паузу. – Знаешь поговорку? Черный пиар...

– ...тоже пиар, – подхватывает Джейми.

Тесса делает вид, что не замечает, как он тарашит глаза.

– Похоже, у нас мысли сходятся, – заключает она. – Уверен, что мы никак не связаны?

– Только проблемами старшей школы. Как лучшая подруга и сердобольный бывший чокнутой лунатички, – выпаливаю я, – двое официально разделивших со мной позор.

– Ого! – смеется Тесса. – Мы прям как в том фильме, что моя мать пересматривает всякий раз, когда сливается очередной бойфренд. Лучшие подружки вне закона: Тельма и Луиза. А Джейми пусть будет Брэдом Питтом в молодости.

– Постой-ка... Разве они не свалились на полной скорости в Большой каньон? – пытаюсь вспомнить я.

Тесса с улыбкой кивает. А тем временем моя решительность идет ко дну. Я роняю голову на стол.

Предаюсь самобичеванию не более тысячной доли секунды, как чувствую: сильные пальцы вплетаются в пряди моих волос, нежно массируя голову. Напрягаюсь.

– Просто подожди, – советует Джейми. – Скоро все вернется на свои места. Вот увидишь.

– Ага. Как тогда с нами, – бурчу я.

Он убирает руки.

– Вот увидишь, – повторяет Джейми, отводя взгляд.

Я выпрямляюсь, а он достает из помятого бумажного пакета два сплюснутых сэндвича с тунцом. Мне должно быть неловко: такой лирический момент испортила. Но каким-то образом слова Джейми немного успокоили меня. А может, он прав? Может, все образуется? В конце концов, если у кого-то и есть право меня ненавидеть, так это у Джейми. А он здесь, рядом, еще и поддерживает.

Он кусает сэндвич, съедая практически половину за раз. И с набитым ртом добавляет:

– Не суди Джиджи строго. Ей надо все обдумать.

Я бросаю на него свирепый взгляд. Вот долбаная Швейцария!

– А чего? – удивляется он. – Что я могу еще сказать?

– Тесса берет свои слова обратно, – огрызаюсь я. – Ну какой из тебя Брэд Питт? Ты больше похож на того жуткого мужа, от которого приходится удирать Тельме. Или хуже: на того копа, который заставляет поверить, что он на их стороне, а в итоге просто водит их за нос. Я демонстративно скрещиваю руки на груди. – Все, ты не едешь с нами в закат. Забуди!

Он умоляюще смотрит на Тессу, но та уже вскочила с места.

– Прости, дружище, – поднимает она поднос. – Разбирайся сам. Сара, встретимся в холле. Если хочу пережить предстоящий урок, нужно влить в себя ударную дозу кофеина. Бай-бай, голубки!

И умчалась, оставив меня с Джейми сидеть в гробовой тишине. Он осторожно кладет свою ручищу мне на плечо. Но я оборачиваюсь с такой скоростью, что сбрасываю ее.

– Поверить не могу, что ты защищаешь Джиджи, – укоряю я.

У Джейми такой вид, словно он только что слил перехват.

– Я ее не защищаю, – оправдывается он. – Просто говорю, что...

– Это Джиджи. Джиджи Макдоналд! – Я понимаю, что давлю на него, но уже не могу остановиться. Я просто выплескиваю на ни в чем не повинного Джейми все накопившееся отчаяние. – Ты в курсе, что она издевается надо мной, рассказывая всем и каждому, какой я злобный фрик, что она заставляет друзей выбирать между нами? – Понижаю голос: – Ты знаешь, насколько она красочно разрисовывает все детали моего расстройств? Да еще с собственными комментариями. Врет, что я во сне делаю такое, за что меня нужно сажать на цепь. То есть она сейчас берет и разрушает мою жизнь, а ты хочешь, чтобы я успокоилась и ждала? Знаешь, Джейми, сидеть на попе ровно – не мой вариант! И ты как никто другой должен бы это понимать.

Смотрю на него в упор, прищурившись, сжимая кулаки. А он терпеливо ждет, пока мое дыхание придет в норму.

– Я не говорю, что мне нравится, как с тобой обращается Джиджи, – говорит он. – Но и ты ее пойми: похоже, она перепугана, и, чтобы принять то, что произошло, ей потребуется время.

– Тебе вот время не понадобилось. Сразу простил меня за разбитый нос. – Зря я это сказала, даже мне ясно, что сейчас я веду себя как малыш, надувший губки.

Джейми какое-то время медлил с ответом и наконец произнес:

– Я знал, что это была не ты. Джиджи это тоже поймет.

Отвожу взгляд, не в силах выносить его понимание и доброту. Знаю, причина, по которой Джиджи никогда не придет к аналогичному выводу, та же, по которой я порвала с Джейми. Я просто не способна контролировать во сне свои действия. Он этого не признает. На самом деле я опасна, и каждый раз, когда об этом забываю, случаются ужасные вещи.

До той ночи, когда я набросилась на Джиджи, у меня не случалось припадков несколько недель подряд. Это произошло после заключительного вечера турнира по лакроссу на открытом воздухе в Новой Англии, где мы стали вторыми в общем зачете. Джиджи захотела отпраздновать и настояла, чтобы я осталась у нее ночевать – раньше мне такое не разрешали. Когда страдаешь нарушением поведения в фазе быстрого сна, то воспроизводишь действия, происходящие во сне, наяву. Все как есть – физически. Сны могут оказаться жестокими: например, за тобой гонится стая волков или дорогу перегородила беснующаяся толпа. Тогда ты будешь яростно месить кулаками воздух и пинать кровать. Можешь даже встать, со всей мочи помчаться по коридору и не проснуться, полетев со ступеней и ударившись головой. Но шрамы и синяки – не самое худшее. Самое ужасное то, что ты не понимаешь, когда это происходит: ты ведь спишь, поэтому сознание не контролирует происходящее вообще. Проблема в том, что самостоятельно ты не можешь остановить собственное тело.

Я нашла лучший способ справляться со своим недугом – привязывать себя к кровати на время сна. В прямом смысле. Хотя я всегда достаточно легко свыкаюсь с ограничениями, наложенными собственной матерью, но это определенно смазывает радость от дружеских посиделок. Я изредка оставалась ночевать только в доме у Тессы, моя мама дала на это добро лишь после того, как та два года тусила у нас. Какое-то время наши родители достаточно подробно обсуждали, как именно меня надо связывать на ночь.

Именно из-за этого я никогда не участвовала в ночных посиделках с подружками, церемонии для избранных – многое чего пропустила. Надо признать, удерживать при этом свое положение в высшем свете старшей школы было непросто. Но неделя соревнований выдалась великолепная. Когда я помогла Джиджи забить решающий гол, мы были как сестры Винус и Серена. Прыгнули выше головы, сделали то, что другим не под силу! Сделали это вместе. И я хотела не просто потусить, а провести это время с Джиджи. Понятно, ее статус уже не изменится (куда уж выше?), зато мне предложили повышение: от просто подружки невесты до главной подружки. И я согласилась.

Уже несколько недель я спала спокойно, к тому же была в ударе, ощущая непобедимость, и уговорила себя, что разочек можно и нарушить правила. К тому же рядом была Тесса, которая давно наловчилась сооружать мне смирительную рубаху, так что я посчитала, что буду в порядке. Мы все будем в порядке. И до определенного момента все так и было.

Может, сыграла роль и радость от сработавшей хитрости: мама думала, что я у Тессы. Может, сам дивный вкус свободы. Нельзя сказать точно. Только когда Джиджи предложила, чтобы мы, забив на усталость, не ложились спать, а в свете первых солнечных лучей голышом пробежались по центральной линии разметки футбольного поля, внутри меня забил тревожный набат, но его разумному голосу я не вняла.

Как появились первые проблески сизой зари, и я порадовалась тому, что сумела не заснуть, я еще помню. Мы тогда нон-стопом смотрели какой-то британский сериал про подростков с паранормальными способностями и подумывали улизнуть на поле сразу после окончания последней серии. Но, должно быть, мы все практически одновременно отрубались, потому что никто не заметил, как во мне пробудилась безудержная бестия. А потом стало слишком поздно, и жизнь Джиджи оказалась, без преувеличения, в моих руках.

Глаза открыты, но я ничего вокруг не вижу. В таком состоянии мой мозг отвергает всякие социальные нормы. Не слышит: «Остановись! Подумай, что творишь!» Я действую, я противодействую, и не останавливаюсь, пока не завершу начатое. Я полностью во власти инстинктов, я сильна и быстра. Интересно, как в этот момент я выглядела со стороны? Остекленевший взгляд, ни на что не реагирую, с рефлексамии Баффи – истребительницы вампиров? Сюрреализм какой-то. А вот для Джиджи, должно быть, это был хоррор вперемешку с триллером. Она думала, я ее убью. Самое печальное, что, задержись я во сне еще хоть на мгновение, так и случилось бы...

Джейми. Он сидит рядом – такой надежный, понимающий и добрый... Большой соблазн поверить его словам. Но я не верю, потому что знаю лучше.

– Спасибо, – говорю я. – Ты хороший друг. Честно... Кстати, о друзьях: надо бежать, не то Тесса мне голову открутит.

– Конечно. – Он поднимается, забирая недоеденный сэндвич.

– Спасибо, что поднял мой рейтинг в глазах общественности, – говорю ему вслед.

– Обращайтесь. – Джейми задерживает на мне взгляд и добавляет: – Раз уж зашла речь, я считаю, что тот коп просто хотел помочь Луизе.

В глазах щиплет от слез, но я не даю Джейми возможности заметить их, прогоняю улыбой. Отворачиваюсь и небрежно машу ему. Он уходит.

Пялюсь на свой недоеденный сырнй бейгл. Этим утром Тесса толкала напутственную речь в стиле «вылезай из кровати и марш в школу», пытаюсь убедить, что сегодняшний день –

пустяк в масштабах вселенной: ведь день, например, когда мне стукнуло девятнадцать, пролетел за секунду. Но сегодня все было не так. После четырех перемен, когда меня все игнорировали, хихикая за моей спиной, и бросали наглые взгляды те, кого я когда-то считала друзьями, даже Тесса была на пределе. Внешне я держусь, демонстративно не отвожу взгляд, но глубоко внутри знаю, что воспоминания о сегодняшнем дне всегда будут вызывать рвотный позыв.

Продолжаю пялиться на еду и беззвучно ору сама себе, приказывая: *Подними голову! Улыбайся! Делай вид, что все в порядке! Ешь!* Пустые слова, как и мой желудок. Но я – командный игрок, поэтому одно действие мне удается: бейгл попадает в рот, и я откусываю кусочек. Сливочный сыр во рту мгновенно превращается в клейкий комок, а слипшийся мякиш булки застревает в горле. Я в панике: сейчас меня вырвет. Ну что могло еще сильнее испортить сегодняшний день? Если меня стошнит в присутствии половины школы... Пытаюсь выплюнуть кусок в салфетку, но вдруг слышу...

Со стороны стола Джиджи раздается ржание. Надо мной смеются, что ли? Конечно, надо мной. Хотя я долгое время закрывала на это глаза, но мне хорошо известна темная сторона личности Джиджи Макдоналд. Да, она могла собрать людей и испечь пирог для травмированного члена команды или организовать вылазку «только для девочек» в салон красоты ради подруги, которую бросил парень. Но спросите о Джиджи редактора «Вестника Хорсменов», который поместил не самый удачный ее снимок в раздел «Школьная жизнь», или девчонку, от которой что-то подцепил один парень, через которого потом заразились и сама Джиджи, и они поведают, как могут испортить жизнь непристойные слова и соцсети. Конечно, и я могла в тех случаях предложить бывшей подружке слегка поубавить пыл, но обычно она бросала на меня такой испепеляющий взгляд, что намерения мои мгновенно улетучивались. Как я говорила: проблем в моей жизни и без того всегда было достаточно, чтобы еще обострять ситуацию. Но теперь ведь я и так иду ко дну в любом случае?

Из-за бейгла во рту трудно дышать, и желудок снова скручивает. Перед глазами промелькнула картинка того, как Джиджи возвышается над моим содрогающимся телом, а я валяюсь в позе зародыша. На секунду мне показалось, что в такое мгновение я могла бы сдаться, как и другие жертвы. Годами я с жалостью смотрела, как они съезживаются, но из-за страха подставиться самой ничем не помогала...

Вспоминаю о том, что только что сама же сказала Джейми: я не из тех, кто сидит на попе ровно! И делаю единственное, что, на мой взгляд, может меня спасти.

Сильно закусываю щеку изнутри. Металлический привкус крови смешивается с отвратительной едой. Гадость, но сейчас меня это спасает. Зажмурившись, проглатываю.

Когда открываю глаза, вижу перед собой проходящего девятиклассника. Подмигиваю. Он краснеет, оступается, почти расплескивает молоко из пакетика. Кровь моя снова разливается по телу, и я улыбаюсь. Крепче сжимая бейгл, откусываю еще кусок.

Наблюдаю за тем, как компания Джиджи выходит из кафе. Хотя мне уже лучше, соображаю, что надо посидеть, пока все они не свалят. На часах – пять минут до конца перемены. Тесса в коридоре, должно быть, уже рвет и мечет. Я собираю свои вещи, остатки бейгла летят в мусор. Кажется, в меня уставились миллиарды глаз, но когда оборачиваюсь, то вижу только одного человека.

За мной наблюдают из сумрака. В прямом смысле. Кто-то, судя по комплекции, парень, сидит в дальнем углу и смотрит на меня. Лампа над ним не горит, он находится слишком далеко, разглядеть сложно, но по моему замершему взгляду, должно быть, понимает, что я его вычислила. Он не отворачивается.

Растрепываю волосы так, чтобы пряди упали на лицо. Я и так слишком долго находилась на всеобщем обозрении. На сегодня хватит! Спеша выйти из кафе, украдкой бросаю последний взгляд. Парень смотрит мне вслед.

За считанные секунды пролетаю полкоридора. Но этот взгляд в спину ощущаю еще очень долго...

Глава третья

Тесса в дальнем конце коридора уже нетерпеливо постукивает по часам в ожидании звонка. Историю она, конечно, терпеть не может, зато, как оказалось, любит помечтать о нашем учителе – мистере Райли. И даже лучшая подруга – не повод опаздывать на урок кумира.

Я уже на полпути к Тессе, как вдруг возникает ощущение, будто солнце заслоняют тучи. Джиджи, в сопровождении Эмбер и Киары – крайне задиристых членов нашей команды, с которыми мы обычно не зависаем, – выходит из женского туалета и преграждает мне путь.

С той злопамятной вечеринки мы с Джиджи не разговаривали, хотя я умоляла меня простить, передавала записки, писала сообщения. От Тессы я узнала, что Джиджи подумывает получить охранный ордер, а от мамы – что ее родители угрожают подать в суд. Но вот она передо мной собственной персоной. Я лишь хочу исправить ситуацию, сказать, что сожалею, что не хотела ничего плохого. Может быть, Джейми прав и, если заставить ее выслушать, она поймет. Стараюсь не думать о том, что она, как последняя стерва, распускала обо мне разные слухи. Улыбаюсь.

– Привет, Джиджи. Послушай, мне очень... – это все, что успеваю сказать. Ее правая рука взмывает и дает мне пощечину.

Застываю, прижав руку к щеке, нелепо разинув рот от неожиданности.

Киара таращится на меня, у Эмбер перехватило дыхание.

– Всегда пожалуйста, – ухмыляется Джиджи.

Тесса мчится ко мне.

– Джиджи, какого черта?

– Оказываю Саре одолжение, Тес, – отвечает та. – На занятиях доктор Гордон рассказывал, что так, кажется, дрессируют собак. Когда в следующий раз Сара откроет свой рот, чтобы извиниться, то вспомнит пощечину и передумает. – Джиджи корчит рожу и наклоняется ко мне. – Разве тебе неизвестно, что судьба та еще сука? И чтобы я больше не слышала этой чуши из твоего лживого рта, чокнутая! Пока я жива. А планирую я жить долго, несмотря на все твои усилия. На это есть отличная причина – я хочу сделать твое жалкое существование еще более...

Тут Эмбер неожиданно толкает Джиджи, почти сбивая ее с ног.

– Эй! Ты что, наглоталась таблеток? – с трудом удерживается на ногах Джиджи.

– Это не я... – недоумевающе отвечает Эмбер. Она разворачивается, ища в коридоре кого-то взглядом. – В меня врезался тот парень... Эй, ну-ка стой! – кричит она. – Ты что, слепой?..

И слова застревают у нее в горле.

С кривой лукавой ухмылкой к ней оборачивается высокий, худощавый, но крепкий парень. Он ведет себя столь же непринужденно, как и выглядит: джинсы свободного покроя и фланелевая рубашка нараспашку. Под ней виднеется серая футболка, подчеркивающая явно мускулистое сложение.

Джиджи осматривает его с ног до головы так, что Тесса от удивления приподнимает брови.

Хотя мой спаситель и правда хорош собой, меня заботит не его статус Адониса, а мысль, что я его откуда-то знаю...

Я хватаю Тессу за руку. Уверена, та думает, что я чисто по-женски впечатлилась симпатичным парнем, но сейчас мне плевать на его внешность. Хотя формально мы незнакомы, он уже появлялся в ярком эпизоде черной комедии, в которую не так давно превратилась моя жизнь. Парень перехватывает мой взгляд, и на мгновение кажется, что он меня тоже узнал. Но как такое возможно, когда единственная наша встреча произошла ночью, когда я пыталась убить Джиджи... Это он был тогда в моем сне...

Я еще не поняла, как полуголый парень из сна оказался передо мной в настоящей жизни, а Джиджи уже пытается воспользоваться случаем.

– Привет, новенький! – мурлычет она.

Он задерживает на мне взгляд еще секунду, потом переключается на Джиджи. Та бесподобна, но это не природное. Об этом она нам сама не раз говорила открыто. По мнению Джиджи, глаза у нее мелковаты, слишком близко посажены, волосы постоянно путаются и свисают с головы сухими кукурузными листьями, а бледная кожа просвечивает. Но то, чем не одарил ее господь, она ловко скрывает под тонной макияжа, здорово помогает и виртуозное владение плойкой. Джиджи знает, как выжать по максимуму из того, что досталось, и, заканчивая творить волшебство, становится сногшибательной. Хотя парень, оглядев ее с ног до головы, не произносит ни слова, Джиджи понимает, какое впечатление она производит. По выражению ее лица я понимаю, что сейчас она попытается использовать незнакомца, чтобы насолить мне еще больше.

– Так как ясно, что ты ничего пока не сечешь, на этот раз я сделаю исключение. – С этими словами она придвигается ближе к парню. – Видишь девчонку позади меня? Ту, с отметиной на лице? Не подходи к ней. Она больная и очень заразная.

Улыбка парня делается шире, Эмбер хихикает, будто ей четыре года. Тесса кидает мне говорящий взгляд: «На перемене за спортзалом, только ты и я». Я ценю ее старания, но понимаю, что они бесполезны. Джейми ошибся: Джиджи не успокоится. На мне позорное клеймо, и даже новенький скоро заиграет по ее правилам.

– Заразная? – переспрашивает он. Его баритон переносит меня в ощущение недавнего сна, и я заливаюсь румянцем, вновь ощущая его гладкую обнаженную грудь. – А что с ней?

Джиджи бросает на меня торжествующий взгляд.

– Общественная проказа, – издевается она.

Эмбер с Кьярой прыскают. Тесса беззвучно шепчет им: «Заткнитесь».

Парень подвигается ближе к Джиджи, и на секунду я вдруг пугаюсь того, что он внезапно ее поцелует.

– Так ты считаешь, что мне лучше разделить чашку Петри с тобой?

– Может быть... – Голос Джиджи звучит не так уверенно, как она, вероятно, планировала. Она подается к парню, а мне хочется влезть между ними и выцарапать ей глаза.

Незнакомец оказывается еще ближе, и я не могу пошевелиться, уже представляя жар его дыхания у нее на губах. Кажется, будто сам воздух вокруг накаляется. Он замирает, делает паузу и произносит:

– К счастью, у меня прививка против злобных старшеклассниц. Поэтому думаю, что мы в качестве пары вообще не вариант.

Эмбер закашлялась, а Клара зажала рот ладонями.

Джиджи идет багровыми пятнами, не в силах пошевелиться, застигнутая врасплох отпором парня, которого пару секунд назад считала уже своим.

Я с трудом сдерживаю улыбку, чтобы не навлечь на себя еще больший гнев.

Раздается звонок. Парень уходит по коридору, а Джиджи пытается въехать в то, что только что произошло.

– Интересный выбор, – наконец произносит она и, важно вышагивая мимо, специально задевает меня плечом. Следом семят ее шестерки.

Я получаю передышку, но понимаю, что это временно...

Когда ко мне возвращается хладнокровие, парень из моего сна оказывается уже в дальнем конце коридора. Не останавливаясь, он бросает на меня взгляд через плечо и улыбается. Потом снова разворачивается спиной к тому месту, где только что собственноручно выкопал свою могилу перед лицом общественности, и идет дальше. Я смотрю, как он исчезает за углом. Интересно, чувствует ли он мой взгляд так же, как чувствовала я его?

– Э-э-э, и что это было? – спрашивает Тесса.

Трясу головой, вспомнив, что я здесь не одна.

– Джиджи влепила мне пощечину, и мы почти сцепились.

– Да-а, это я поняла, – нетерпеливо произносит подруга. – Я про другое: про Заблудившегося Мальчика, заплутавшего по дороге в класс. Аж слюнки текут... Заверните мне одного. – Она расплывается в озорной улыбке. – Если только, конечно, ты уже не приготовила денежку.

– Что? Прекрати! – быстро отвечаю я, надеясь, что мое лицо не сильно покраснело. – Ты всерьез собралась обсуждать, что кто-то мне улыбнулся? Я вот заморачиваюсь, что мне только что влепили пощечину...

– Проехали! – обрывает Тесса. – Отпадный незнакомый чувак только что прикрыл твою спину! Это при том, что вы незнакомы. – Но, всматриваясь в меня внимательно, добавляет: – Если только я чего-то не пропустила...

Хмурюсь. Тессе и так повезло: лучшая подруга чокнутая и страдает расстройством сна. Лимит дружбы превышен. Разве я могу признаться, что это парень из моего сна? Разве могу ждать понимания, если сама считаю происходящее уму непостижимым?

– Нет, мы незнакомы, – говорю я, направляясь по коридору в класс. *По крайней мере, не как обычные люди*, добавляю про себя.

Тесса взволнованно хлопает в ладоши.

– Ну, здесь я помогу! Его зовут Уэс Нолан. Только что перевелся из какой-то закрытой школы на севере. Сегодня он у нас первый день.

Уэс Нолан. Я уже мысленно выписываю его имя на листочке, заменяя букву «А» на сердечки. Нет. Перебор, слишком быстро... Переключаю внимание на проделанную Тессой сыскную работу.

– Вынюхиваешь ты классно, и подозреваю, сведения точные? – уточняю я.

– Мои источники не врут! – важно приподнимает бровь Тесса. – Утром краем уха слышала, как директор Хэтч обсуждал с миссис Линклер нового ученика. Похоже, твой парень успел побывать до этого уже не в одной закрытой школе.

– Правда? – удивляюсь я.

Потом вспоминаю, что Уэс мне как бы и незнаком и удивляться особой причины нет.

– А ты не суди, – упрекнула Тесса. Она кладет мне на плечо голову, смотрит снизу и улыбается. – Плохие мальчики – это прикольно! Может, попробуешь с ним подружиться? Отличная из вас выйдет парочка.

Шутливо отстраняю ее и направляюсь в класс.

– Да ладно! – Тесса догоняет меня. – Высокий брюнет приходит на помощь. Есть вещи и похуже.

– Соглашусь, – замечаю я. – Например, одна из бывших подруг вдруг может посчитать личным долгом отныне и вовеки делать все, чтобы разрушить мою жизнь.

Мы идем по коридору, Тесса берет меня за руку и крепко ее стискивает. Мы сдружились еще в детском саду на почве искренней ненависти к тихому часу, и с тех пор наши отношения ни разу не давали трещину. Друг о друге мы знаем все. Тесса, например, великолепно вскрывает замки и годами читает эротический дневник старшей сестры. Она знает, что, когда я бью в игре больше десяти раз, во сне впадаю в припадки ярости. В то время как остальные подруги, например Джиджи, в курсе о нарушении моего сна лишь в общих чертах, Тесса умеет крепить ремни, которые удерживают меня в кровати.

– Не кисни, подруга! – веселится она, по-дружески пихнув меня плечом. – Все не так уж и плохо. Если парень, который только что перевелся в школу, так на тебя запал, что в первый же день обзавелся врагом в лице Джиджи Макдоналд, то ты и правда сногшибательна. Seriously, Сара. Это в разы круче, чем просто секс-символ!

Пока Тесса болтает, планируя, как мы станем в школе популярными, мои мысли возвращаются к Уэсу. Можно слететь с катушек: я выдумала парня за день до того, как встретить его в реальной жизни, – вот уж загадочное совпадение! Хотя можно сосредоточиться на том, что действительно важно... Нет, не выходит: сразу вспоминается косая усмешка эльфа-проказника из сна. Вдобавок к голому торсу и лесу.

– Он ничего так, симпатичный, не находишь? – почти невольно выпаливаю я.

– Кто? Новенький? – улыбается Тесса. – О да! Appetитный, как банановый пломбир со взбитыми сливками, украшенный вишенками. Пока это только первое впечатление. Но весь вопрос в том, есть ли за такой внешностью что-то стоящее?

– Вот и проведи расследование, а то болтаешь без устали, какой он аппетитный.

– Не-а, – отвечает Тесса, качая головой. – Парень положил глаз на тебя. К тому же я занята: играю шаловливую Лолиту для Гумберта Гумберта в исполнении мистера Райли.

– Мечтать не вредно! – фыркаю я.

– Еще пара-другая дополнительных заданий, и он мой, – обольстительно улыбается подруга.

Мы заходим в класс истории и занимаем места на передних партах. Пока собираются другие ученики, Тесса разворачивается и, поджимая губы, шепчет:

– Очень надеюсь, что он не полный придурок. Бесит, когда внешность зазря достается каким-то чудикам.

Она воодушевляется, когда учитель садится за свой стол, и проблема соотношения привлекательности к эксцентричности вылетает у нее из головы.

– Здравствуйте, мистер Райли. Красивый пиджак. Твидовый?

Ресницы Тессы трепещут, а я раздумываю о том, как она охарактеризовала Уэса. Да, парень, конечно, бесподобен, но меня его шикарный вид способен только смутить, да и то ненадолго. Мало того что в моих жестоких снах объявился абсолютно незнакомый человек, так он потом еще и возник во плоти прямо в коридоре моей школы. Не много ли совпадений? Может, я еще раньше краем глаза заметила его на улице или стояла за ним в очереди в «Старбаксе»? Ломаю голову, пытаюсь найти рациональное объяснение абсолютно нерациональному событию. Вновь и вновь вспоминаю детали инцидента на перемене. Но все больше возникает стойкое ощущение того, что Уэс Нолан не такой, как все. И не важно, насколько он симпатичен, опыт подсказывает, что «не такой, как все» редко идет со знаком плюс. От этой мысли я начинаю дергаться, и пока никто не обратил на это внимание, приходится положить на стол карандаш. Хотя еще утром это казалось невозможным, кровная месть Джиджи только что спустилась на второе место в моем списке происшествий «вот же ж черт»...

Глава четвертая

– С возвращением, Спящая красавица, – произносит лысый одутловатый мужик с усами из порно 1970-х.

– Как делишки, Ральфи? – спрашиваю я. – Все растишь свое пузишко?

– Но-но! – Он изображает обиду. – Я потерял пять фунтов за последние четыре месяца. Хотя с тех пор, как ты была в клинике последний раз, набрал двадцать.

Ральфи покатывается со смеху, и я тоже хихикаю – он всегда так заразительно смеется.

Мы познакомились, когда я впервые осталась на ночь под наблюдением в Центре медицины сна имени Ли-Эриксона. Мне тогда было десять лет. Четырьмя месяцами ранее я стала вести странный ночной образ жизни: орала, била и колотила все вокруг, в том числе плюшевых игрушек и озадаченных родителей, вываливалась из кровати минимум по три раза в неделю и даже прогуливалась во сне в соседнюю комнату и разносила там все вдребезги.

Ни педиатр, ни родители не знали, что делать. Мама позже призналась, что они абсолютно серьезно собирались изгонять беса, но тут случайно наткнулись на рекламу, которая меня и спасла. В ближайшем университете открыли клинику сна и искали пациентов для исследований. Мама тогда поверила, что это произошло в ответ на ее молитвы. Но войдя в стерильную комнату с ледяной белой плиткой и пружинной кроватью в углу, я сразу поняла, что это – начало кошмара.

– Я заполню кое-какие бумаги, а мистер Бергер поможет тебе устроиться, – сказала мама в ту, первую ночь. – Все будет хорошо, – пообещала она.

Потом она оставила меня одну с огромным странным дядькой, чьи тонкие вздернутые усы навевали мысль о том, что меня сейчас распнут на железнодорожных путях. Дядька вкатил большой компьютер, от которого шли миллионы проводков с крошечными присосками на концах. Я уже открыла рот, чтобы заорать.

– Эй, эй! – произнес усатый лаборант, присоединяя парочку к своей голове и включая компьютер. – Видишь? Вообще не больно.

Я внимательно смотрела, как он крутил рычажки и возился с клавиатурой. Потом присел рядом со мной на кровать.

– Меня зовут Ральфи, – представился он и протянул руку. Я замерла. А он, улыбнувшись, предложил: – Давай с тобой договоримся, мисс Рейес. Я буду надевать на тебя эти безобидные электродики и рассказывать сказку. И если она тебе не понравится, то ори сколько хочешь, громко ори. Черт, да я даже присоединюсь.

Я задумалась.

– Расскажи одну просто так, а потом я решу.

– Ого, а тебя не проведешь!

Ральфи согласился на мои условия и стал рассказывать самую волшебную из всех версий Спящей красавицы, что я когда-либо слышала. Там были глупые песенки, смешные стишки, герои из других сказок, а животные и предметы говорили разными голосами. Когда он закончил, я была настолько очарована, что согласилась на все, лишь бы послушать еще одну.

В ту ночь, подключенная к куче машин, которые отслеживали работу моего мозга, сердца, мышц, зрения и дыхания, я видела чудный сон. Мне приснилось, что я украла серебряный щит и за мной гонится по бобовому стеблю один из великанов Ральфи, говорящий почему-то с немецким акцентом. Предстояла битва не на жизнь, а на смерть. Установленная в комнате видеокамера записала, как я встала, обнажила невидимый меч и, словно основание стебля, срубила угол кровати. На следующий день я ощущала боль в пальцах и заработала диагноз: нарушение поведения во время сна с быстрыми движениями глаз, или, как прозвали это мы, крутые ребятишки, «БДГ».

Доктор объяснил диагноз моей маме, а Ральфи – понятным языком разжевал все мне.

– Обычно у людей во сне тела не двигаются. – Когда они спят, то как бы парализованы. У тебя, крошка, все по-другому. Ты можешь двигаться. Все, что происходит во сне, ты превращаешь в жизнь – работаешь руками и ногами, всем телом, хотя абсолютно точно спишь. Судя по записям, прошлой ночью ты воевала с великанами, – добавил он, пытаясь поднять мне настроение. К несчастью, оно было хуже некуда.

Ральфи говорил, а я молчала.

– Я бы лучше стала Спящей красавицей. Это можно устроить? – наконец произнесла я.

Я всегда рада, когда Ральфи поручают со мной работать, хотя и закатываю глаза, когда он рассказывает сказки.

– Что, записалась на испытания «Дексида»? – Он расчесывает мои волосы на пробор и мажет голову прозрачным тягучим гелем, потом присоединяет на макушку электроды. – Вроде ты говорила «нет» наркотикам.

– Скажем так, не на добровольных началах, – дипломатично ответила я.

Ральфи было прекрасно известно, что у меня пару раз случались срывы из-за выписанных медикаментов, и, к неудовольствию лечащих врачей, мама наложила вето на все, что химически влияло на состав моей крови. Последние годы мы использовали только препараты общего действия и сдерживающие крепления на ночь.

– Пыталась кого-то прикончить? – задал он дежурный вопрос.

– Капитана моей команды по лакроссу.

Ральфи даже замер. То ли был удивлен ответом, то ли тем, что его дежурная шутка оказалась на этот раз правдой.

– Во сне я пыталась спасти раненого олененка – избавить от мучений, – добавила я, как будто это могло исправить положение.

На лице Ральфи мелькает понимающее сожаление, но исчезает так же быстро, как и появляется. И снова на его лице славная улыбка.

– Бемби или Барби – какая разница? – фыркнул он. – Все равно ты злодейка.

Дверь в мою палату широко распахивается, и санитар по имени Барри заносит поднос с кувшинчиком воды и таблеткой в стаканчике. В коридоре ждет мужчина постарше, пациент, которого я помню по прошлым визитам в больницу. Увидев меня, он показывает пальцем и удивленно приподнимает брови в немом вопросе «Ты тоже?». Пожав плечами, киваю.

Когда дверь закрывается и мы с Ральфи снова остаемся одни, задаю вопрос:

– Мистер Хьюстон тоже участвует в испытаниях? Разве он не лунатик?

– Лекарство пробуют на людях с разными нарушениями сна, – объясняет Ральфи. – И с лунатизмом, и с ночными страхами. Не только с таким, как у тебя. Хотя, конечно, нарушение поведения во время сна с быстрыми движениями глаз – основное направление.

– Кто бы сомневался... – я делано вздохнула, будто осознала свои преимущества.

Мое нарушение – тот еще подарочек. Я встречала взрослых мужчин с таким же диагнозом, как у меня, чьи жены подавали на развод только потому, что не оставалось сил терпеть: их постоянно выпихивали из собственной кровати. Один парень вынужден был спать в шлеме и ставить мягкую защиту на все углы в квартире, потому что имел склонность к полуночным студенческим тусовкам и начинал метаться, словно был на танцплощадке перед сценой. А другой видел повторяющийся сон, в котором он был львом, охотящимся со своим прайдом. Рассказывал, что обычно при этом больше часа ползал на четвереньках вокруг кровати, а потом кидался и раздирал простыни зубами в клочья. Мало того что утром он был выжат как лимон, так еще с таким поведением проблемы с личной жизнью неизбежны. Это и раздражает больше всего. С рассветом все не заканчивается. Синдром влияет на все сферы жизни наяву. Особенно на отношения.

Словно прочитав мои мысли, Ральфи спрашивает:

– Эй, а как поживает наш Принц на белом коне? Дала ему второй шанс?

– Все круто, – слишком бодро выдаю я, и Ральфи закатывает глаза. Но так просто мне не отделаться. – Мы с Джейми все еще друзья. Но он злится. Считает меня слишком суровой, потому что я обозвала Джиджи злопамятной мегерой. Но он, похоже, прав, что раздражает еще сильнее. В конце концов, это же я пыталась ее придушить. – Я хмурюсь, смотрю на телефон. – Наверное, надо ему эсэмэску сбросить.

Ральфи протягивает бумажный стаканчик с пилюлей размером с изюм.

– Это «Дексид»?

Он кивает. Дексиднипам – новейшее лекарство, которое тестируют в клинике, но оно еще не одобрено управлением по контролю за продуктами и лекарствами. По правде говоря, последние месяцы я умоляла маму разрешить снова попробовать медикаментозное лечение. Хотя она железобетонно против, догадываюсь, что в свете выбора: либо колония для несовершеннолетних, либо наркотическое лекарство, разрешение на которое еще не выдано, – последнее выглядит не так уж кошмарно.

Смотрю на золотистую пилюлю в белом стаканчике. От одной мысли о том, что ее нужно проглотить, в животе что-то сжимается. Я очень хочу попробовать нечто более действенное, чем гипноз, песенная терапия или гомеопатические альтернативы, которые больше по душе маме, но я не дура. Понимаю, почему мама против: побочный эффект есть всегда. Как и риск...

Сейчас или никогда.

– Вниз, в кроличью нору, – с этими словами залпом опрокидываю стакан воды. – Чего мне ждать?

– Ты про «Дексид»? – Ральфи теребит усы. – Просто глубокий сон. Хотя один из пациентов говорил, что сны особенно яркие. У него все время один, про Центральный вокзал. Но больше я ничего не слышал.

– То есть беспокоиться не о чем? – Надеюсь, голос мой звучал достаточно небрежно и не выдал волнения.

Лаборант улыбается.

– Рассказать сказочку перед сном?

С энтузиазмом киваю. Конечно, для сказок я уже старовата, но даже большим девочкам иногда нужны плюшевые игрушки. Уютно устроившись в скрипящей кровати, натягиваю истрепанное больничное одеяло почти до подбородка. Ральфи поправляет его края, стараясь не задеть тянущиеся от меня проводочки. Садится рядом, и на секунду я чувствую себя в безопасности.

– Давным-давно, – начинает он, – жила-была девочка по имени Сара. И у нее был волшебный телефон. Однажды волшебный телефон сказал: «Хай, подруга...»

– Он что, иностранец? – перебиваю я.

– А что?

– Наверное, он из Австралии? Просто я никогда не думала, что телефон может быть из Австралии. Вот из Америки или из Японии – да. Интересно, а норвежские бывают? Наверное, бывают...

– Эй, кто из нас сказку рассказывает?

Я виновато улыбаюсь. Он отмахивается, но продолжает.

– Если тебе от этого станет лучше, телефон усыновила милая австралийская семья. Просто лежи тихо, не запори мне австралийский акцент. Договорились?

Я делаю вид, что закрываю рот на замок и выкидываю ключ.

– Как я уже сказал, однажды волшебный телефон из Австралии сказал: «Хай, подруга. Набери своему принцу сообщение “привет, хороший денек”, а не то он решит подкатить к Барби». – Ральфи вызывающе приподнимает брови, подчеркивая пошловатую суть его плоской шутки. И когда я не реагирую, добавляет: – Вот и сказочки конец, а кто слушал...

– Шутишь? Правда, все?

Он кивает.

– Ральфи, это худшая из твоих историй, – фыркаю я.

– Иногда и из плохих историй можно извлечь хороший урок, – парирует он. – Зато акцент удался. Мне пришлось укоротить сюжет. Удивишься, как быстро вырубает «Дексид». – Он еще раз проверяет оборудование и добавляет: – Просто пошли ему сердечко. Сразу полегчает.

Ральфи выходит из палаты в соседний кабинет, откуда всю ночь будет отслеживать мои показатели. Лаборант, конечно, рассердил меня своим советом, который я не хочу принимать, но он все время будет рядом, и это успокаивает. Пялюсь в телефон, обдумывая следующий шаг.

– Поверь, детка, – грохочет по внутренней связи голос Ральфи. – «Дексид» действует почти мгновенно.

– Но я не чувствую усталости, ни капельки, – отвечаю я куда-то вверх.

– Скоро почувствуешь. Так что или набирай сейчас, или отложи телефон. Через минуту я попрошу его выключить.

– Хорошо, поняла, – уступаю я и набираю сообщение Джейми.

Собираюсь поспать. Прости за сегодня.

Ответ приходит моментально:

Отличная новость.

Следом еще одно:

Удачи и хороших снов. Тоже прости.

Смотрю на сообщение, ресницы становятся мокрыми от слез. Почему я такая дура? В моей жизни много дерьма, но мне повезло, что рядом есть Джейми – добрый и надежный, он еще и беспокоится обо мне, хотя я разбила ему сердце и вообще веду себя с ним как последняя кретинка. Не уверена, что заслуживаю рядом такого человека, даже в качестве друга, но знаю, что за него я судьбе благодарна.

Заношу палец, чтобы напечатать ответ, и вдруг моя рука тяжелеет. Веки слипаются, замедляется дыхание. Пытаюсь что-то сказать Ральфи, но рот словно набит слипшимися ирисками. Слышу вдалеке глухой стук, это телефон выскользывает из ладони и плюхается на кровать. Усиленно пытаюсь разлепить глаза, но безрезультатно.

Вокруг

все

черное

...

и ни звука

...

я вообще дышу?

...

Потом...

Хлесткий Ветер Жжет Лицо

Звуковая Вибрация Рвет Перепонки

Высохший Рот Ватный Рот Обезвоженный Рот Захлебывающийся Вкусом Пустоты

КАК ВДРУГ

хлоп глазами – Мраморный вестибюль.

хлоп – Золотые огни.

хлоп – Звезды в зеленом ночном небе.

хлоп – Распахиваю глаза и вскакиваю на ноги. Меня всю трясет, но я чувствую облегчение – конечности снова в рабочем состоянии. Открываю рот, хочу позвать Ральфи, но тут до моего мозга доходит то, что я вижу, и я замолкаю.

Я больше не в Канзасе.

Стою на самом верху гигантской мраморной лестницы, подо мной – грандиозный вестибюль, по которому ходят люди. Вокруг – арочные окна под два метра высотой. На потолке – фреска с ослепительными звездами на ночном небе. А снизу – часы с циферблатами на четыре стороны взгромоздились на круглую информационную стойку, и везде, куда ни кинь взгляд, блестят золоченые люстры.

Центральный вокзал Нью-Йорка. Я здесь уже была, но при других обстоятельствах. Отовсюду струится теплый медовый свет. По белому мрамору, который уводит широкой тропой куда-то далеко за пределы лестницы, покрывая полностью весь первый этаж, извиляются бронзовые прожилки. Мягко мерцают кристаллики, украшающие люстры в форме желудей. Вся эта обстановка будто существует вне времени – кажется, на все вокруг смотрю сквозь фильтр «сепия». Очертания ступеней, часов, окон, даже людей – не контрастные, но не тусклые, просто слегка размытые, словно фотографировали сквозь дымку.

Вереницы плавно скользящих пассажиров образуют сложную сеть, столь выверенную, что трудно поверить в ее реальность.

– Это сон, – говорю я и расслабляюсь. Голова наливается тяжестью. Интересно, во сне можно уснуть? Это действие «Дексиды»? Я глубоко вдыхаю: сейчас наконец отдохну. Веки начинают опускаться, как вдруг замечаю...

Он бежит быстро, двигаясь против течения пассажиров, не очень вежливо расталкивая поток. Но людей это, похоже, не раздражает, и, едва пропустив его, они снова продолжают идти. Чем он ближе, тем отчетливее я могу его разглядеть. По телу пробегает энергетический разряд, словно мне вкололи кофеин, и я вытягиваюсь в струну.

Прямо на меня идет Уэс Нолан.

Взбегает по ступенькам, перепрыгивает через перила и приземляется у моих ног. Острый взгляд его волнующих зеленых глаз демонстрирует, что, владелец абсолютно в сознании. Он похож на технобит, который беснуется на фоне размеренного такта вальса на три четверти.

– Пойдем, – зовет он, протягивая руку.

Я молча протягиваю свою, и мы бежим...

Глава пятая

– Извините! – кричу прохожему, которому только что двинула локтем, так как Уэс проталкивает меня сквозь толпу заторможенных пассажиров.

– Не трать время, – бросает он через плечо. – Им все равно. Встанут обратно и пойдут дальше.

На ходу оборачиваюсь и вижу, что он прав. Парень, которого я толкнула, снова вливается в поток, не обратив внимания на то, что его задела, и не ища взглядом того, кто его отпихнул. Уэс протаскивает меня через центральный вестибюль, я задираю голову и смотрю на фреску. Мириады нарисованных звезд. Это ведь ночь? А я сплю и вижу сон? Но при этом я полностью отдаю себе отчет в происходящем. Вот забавно. Мы продолжаем протискиваться сквозь толпу.

Пальцами еле заметно поглаживаю кожу Уэса. Его очень мягкая, цвета сливочной слоеной кости, а моя шелковистая, с глубоким оливковым отливом – чувствуется разница. Мне нравится, что моя рука в его кажется крошечной. Краска заливает лицо, я украдкой смотрю на своего проводника, и в этот момент он отталкивает еще одного прохожего. Беременная женщина падает на пол.

– Уэс! – Я выдергиваю свою руку и спешу на помощь прохожей.

– Быстрее! – командует он. – Время не ждет.

– Как вы? – помогаю женщине подняться на ноги. Тишина. – Вы слышите?

Она не отвечает. Молчит и не двигается. Маширу рукой у нее перед лицом. Ноль реакции. Потом, даже не сказав спасибо, женщина возвращается в ровный строй пассажиров и продолжает движение вместе со всеми.

– Сказал же, не заморачивайся. – Уэс раздражен, и тон его голоса повысился на целую октаву. – Нельзя останавливаться!

Я скрестила руки на груди.

– Я тебя и в первый раз услышала. Ни шага больше не сделаю, пока не объяснишь, что происходит. И почему, в конце концов, ты переступаешь через беременную женщину и глазом не моргнув?

Уэс бросает взгляд через мое плечо и бледнеет еще сильнее.

– Причина – вот это, – говорит он, разворачивая меня лицом к кошмару.

И тут я замечаю, что прямо к нам направляются, пробиваясь через стройные ряды пассажиров, две громадные фигуры. Большие всего они похожи на перекачанных бодибилдеров, с чьей стероидной яростью я бы не рискнула встретиться на темной тропинке. Там, где работают мускулы, их тела словно утолщаются. Если эти страшилища меня схватят, о драке и речи быть не может. И все-таки их физические данные пугают намного меньше, чем изуродованные лица. Длинные тонкие губы, уголки которых смотрят вниз, как у грустных клоунов, сплюснутые мясистые носы с покрытыми коркой щелями, возможно, когда-то там были ноздри. У них такая грубая, со следами оспы кожа, что мне кажется: прикоснись к ней – и сотреешь свою до крови.

Но самое жуткое – глаза. На их месте две полые впадины, затянутые багровой кожей с кровоподтеками. Если выражение «глаза – зеркало души» справедливо в отношении любого человека, то здесь явное свидетельство жестокости, насилия и морального разложения души, скрывающейся за столь «говорящим» взглядом.

Так страшно, что нет сил пошевелиться; дыхание сперло, не могу закричать. Но Уэс выдергивает меня из состояния паралича, притягивает к себе.

– Теперь можно бежать?

Ответа не ждет.

Мы срываемся с места.

*Летим Через Зомбированных Пассажиров
Бок Обок Вниз По Лестнице
По Переходу На Пути Арка*

А там...

Сияющий серебристо-красный поезд дает гудок к отправлению, двери закрываются, одновременно звонит колокол.

Уэс бросается к ближайшему вагону и, втиснувшись между закрывающимися дверьми, придерживает их, чтобы я успела попасть внутрь. Бегу изо всех сил, скорость не снижаю, хотя это не так просто. Влетаю в двери, по инерции буквально впечатываюсь в стену напротив и сползаю на пол. Уэс отпускает створки и делает шаг назад. Встает рядом на колени, переводит дух. Двери с шумом захлопываются.

– Неплохо, – тяжело дыша, улыбается Уэс.

Пытаюсь успокоить сбившееся дыхание, не отводя взгляда от парня, который только что помог избежать встречи с кем-то, кто ужаснее Фредди Крюгера, Джейсона Вурхиза и еще десятка монстров, вместе взятых.

– Ты говоришь, неплохо? – спрашиваю я. – Даже думать не хочу, что могло быть хуже.

Поезд отправляется со станции, а Уэс поднимает меня на ноги и ведет в вагон. Пассажиры, которых я видела в вестибюле, тихо сидят на своих местах в разных купе, уставившись в какую-то точку перед собой. Мы молча переходим из одного вагона в другой. Время от времени Уэс оборачивается, словно проверяет, что я еще с ним. Я с ним. После таких переживаний приклеилась намертво.

Вагонов через пять задаю вопрос:

– Куда мы идем?

– Куда угодно, лишь бы поблизости не было этих тварей, – отвечает он. Его тон беспечным не назовешь, но и испуганным или безысходным тоже. Почему-то я поняла, что убежать от тех созданий ему явно не впервой.

– Кто они?

– Не могу объяснить, – пожимает он плечами. – Когда на горизонте показывается Головешка, я удираю.

– Головешка?

Он прыскает.

– Ну как выжженная головешка. Сам придумал. Когда один из них первый раз загнал меня в поезд, я спрятался в кабине проводника и все твердил, что это плод моего воображения, какой-то глючный монстр, которого я выдумал сам, пересмотрев второсортных фильмов, в которых нормальные на первый взгляд пацаны превращаются в мерзких тварей после какого-нибудь излучения. Тем более у этих монстров такие лица, словно их передержали в духовке. При одном воспоминании передергивает.

– И что, сработало?

– Не совсем, – смеется он, на этот раз не сдерживаясь, и выражение его лица становится мягче. В этот момент он так прекрасен, так выдержан, настолько логичен в такой нелогичной ситуации... – Большую часть поездки я провел в позе зародыша... – видимо, вспомнив что-то еще, он замолкает, вспыхнувшие было глаза тускнеют. – Так и мечко и прижилось. Знаю только, что, если не останавливаться, есть хороший шанс их избежать.

– А что будет, если поймут?

– Лучшие тебе не знать. Пошли. – И он тащит меня в следующий вагон.

– Ты чувствуешь, что мы уже в хвосте состава? – Я слышу в своем голосе раздражение. Не важно, сплю я или нет, не люблю, когда со мной не считаются. – Если мы скоро не прибудем на какую-нибудь станцию, у нас появится большая проблема.

Он останавливается, в глазах огоньки.

– Ну вот, поймали момент. – И показывает на пассажира, который встает с сиденья.

Ему далеко за пятьдесят. Ничем вроде и неприметный, подумаешь, надел человек поло-сатую пижаму. Если бы не пара нюансов. Во-первых, мужчина слегка покачивается – очень отличается от выверенных рядов спин его соседей. И во-вторых, я его знаю. Это Мистер Хьюстон – лунатик из клиники.

Он идет к одной из закрытых автоматических дверей в тамбур и останавливается, глядя перед собой в одну точку. Как будто хочет выйти на остановке, но поезд не притормаживает. Я собираюсь что-то сказать, и вдруг створки дверей разъезжаются.

Врывается порыв холодного ветра, поезд не сбавляет ход. Мистер Хьюстон стоит, покачиваясь, в проеме, а мимо со свистом проносится темнота. Первое желание – вцепиться в него, оттащить от опасности, о которой он, как я понимаю, и не подозревает... И вдруг на той стороне появляются декорации.

Абсолютная темнота сменяется чередой мельтешащих картинок, а потом разноцвет-ный коллаж ярких геометрических фигур, как в калейдоскопе, складывается в изображение парка в ясный летний денек. Нет, не в изображение. В настоящий трехмерный мир. И хотя поезд все так же едет вперед, картинка по ту сторону двери словно застыла. Если я шагну туда, попаду ли в этот парк? Слово отвечая на мой вопрос, мистер Хьюстон именно это и делает. Переступает одной ногой порог, уже практически касаясь земли, но тут срывается с места Уэс. Что он хочет? Спассти человека? Пойти вместе с ним?

Не раздумывая, я оттаскиваю Уэса. Мистер Хьюстон ступает на траву.

Обстановка вокруг тут же его обволакивает, словно поглощая.

Сельский пейзаж в зелено-синих тонах мгновенно удаляется, человек остается внутри его.

Двери со стуком захлопываются.

Уэс рывком высвобождается из моих рук и бросается к дверям. Прижимается носом к стеклу, но мистер Хьюстон и парк уже далеко позади.

– Зачем ты это сделала?! – кричит он. – Это был шанс сойти с поезда!

– Ты о чем? – недоумеваю я. – Его же просто засосало...

– В сон. – Он произносит каждое слово медленно, видимо, подчеркивая интонацией особо важные моменты для особо безмозглых: – Я объяснил, что нельзя останавливаться. Ты сама сказала: мы бежим из поезда. Когда такое происходит и другой сновидец открывает для нас проход...

Краем глаза замечаю в темноте какое-то движение и перестаю слушать. Разворачиваюсь и вижу стоящего в проеме тамбура монстра, у которого вместо руки шипованная дубина. Он не просто смотрит, а буквально уничтожает нас взглядом. Из расплющенных ноздрей валит пар.

Чудовище хрипит. Сейчас кинется...

Инстинктивно пытаюсь сделать два шага назад, но мой мозг в панике забывает пере-дать импульс ногам. Спотыкаюсь и падаю на пол.

Сверху тут же с ревом насккивает Головешка. Он издает резкий воинственный клич, и вокруг распространяется какой-то кислый смрад, нас обдает теплом радиоактивного рас-пада. На только что ухмыляющегося монстра теперь смотреть страшно. Я сжимаюсь, ста-раясь стать как можно меньше, чутье подсказывает не прикасаться к изъеденной коррозией твари. Теперь кричу уже я, так как монстр заносит шипованную руку, явно намереваясь меня прибить.

Уэс успевает поднять меня на ноги. Бросаемся наутек.

Перебегаем из вагона в вагон, но состав быстро заканчивается. Пути дальше нет. Мы в ловушке.

– Помогите! – командует Уэс и ведет меня к автоматическим дверям. Просовываем пальцы в мягкий паз, каждый хватается свою створку, силясь раздвинуть их в разные стороны. Не смогли мы их сдвинуть и на пару сантиметров, а я уже чувствую дуновение с конца вагона. Головешки... Их двое... Они уже на подходе...

В панике я ослабляю хватку, но Уэс уже рядом:

– Ты справишься! Мы справимся. Вместе! Готовься: на счет «один» рванем.

То ли уверенность его голоса, то ли твердость рук вселяют надежду. Не знаю, почему именно, но я ему верю. Хотя пальцы трясутся, я снова просовываю их между дверей, а Уэс ведет обратный отсчет:

– Три, два, один!

Вонзаю в пол каблучки и упираюсь поясницей в стену тамбура. Просовываю пальцы все глубже в щель, потом хватаюсь за косяк. Тяну со всех сил, обливаясь потом, кричу, и в конце концов панели поддаются, двери распахиваются.

С другой стороны – чернота. Ночное небо без звезд.

Поворачиваюсь, и в тот же миг объявляется Головешка. Не успеваю даже подумать, как поступить, Уэс кидается между монстром и мной.

Оступаясь, делаю шаг назад, балансируя на краю проема. Головешка хватается за Уэса, тот тянет ко мне руку, но я не успеваю за нее ухватиться и смотрю, не в силах помочь, как она исчезает, по сути, рассыпается вместе со всем телом. А затем мясистая, обезображенная клешня лупит по воздуху прямо передо мной, и ничего не остается другого, как... пройти через дверь.

Все, что было:

поезд,

монстры,

Уэс...

остаются там, позади, а я лечу,

плыву, падаю в темноту...

Мне знакомы эти сны, когда просыпаешься за секунду до того, как грохнуться на землю. Но что, если здесь земли нет? Неужели я буду падать, и падать, и падать вечно?

Этот сон не похож на обычный – с самого начала все было слишком по-настоящему. Меня трясет. Дыхание частое. Пульс зашкаливает. Надо успокоиться, но как?

В детстве, еще до проблем со сном, когда кошмар мог лишь разбудить меня среди ночи, мама заходила в комнату и присаживалась рядом с кроватью. Она советовала вспомнить того, кого я люблю (на тот момент я выбирала между ней и плюшевым мишкой по имени Мейбл), и взять его с собой. А потом выбрать другое место действия и пуститься в новое приключение уже вместе со спутником. В девяти случаях из десяти кошмар отступал, и остаток ночи проходил спокойно. Конечно, когда появилось мое расстройство, эти ухищрения потеряли свою актуальность. Отчаянные времена...

Закрываю глаза и вспоминаю Тессу.

Моя лучшая подруга, моя опора! Всегда точно знает, как помочь воспринять происходящее не так близко к сердцу. Она бы напомнила, что это лишь сон, убедила, что все только в моей голове. Она привела бы мои мысли в порядок...

Рисую ее образ: вот она смеется, бежит по пляжу, где летом подрабатывает спасателем. А вот улыбается, и я тоже расплываюсь в улыбке. Дышать уже легче, ведь я пред-

ставляю, что бьющий в лицо воздух – это теплый летний бриз. Я падаю, но по ощущениям словно плыву в воде.

Все будет хорошо.

У меня все будет хорошо!

Открываю глаза. Подо мной розово-голубой люк. Чувствую, что падение ускоряется.

Люк приближается, и я вытягиваю вперед руки, готовясь к удару.

Быстрее...

Еще быстрее...

Еще быстрее, и тут...

Люк распаивается, я пролетаю внутрь. И приземляюсь на пляже, песок смягчает падение. Отряхиваюсь и замечаю на игровой площадке Тессу, которая прижимает к бедру волейбольный мяч.

Издали смотрю, как она строит глазки и играет в паре с приятным парнем в пляжных шортах. Я оборачиваюсь не раз, и даже не два, но меня никто не преследует, и через какое-то время я немного успокаиваюсь.

Оставшуюся часть ночи я наблюдаю за Тессой, хотя она меня не замечает...

* * *

– С добрым утром, Спящая красавица, – приветствует меня Ральфи, пока я протираю глаза. – Согласись, ты была в полной отключке?

Я опускаю взгляд на кровать и зеваю. Ральфи просматривает распечатки с аппаратуры, а санитар Барри помогает мне подняться.

– А сколько сейчас времени? – спросонья спрашиваю я.

– Шесть утра, – отвечает Ральфи. – И как спалось? Сны были яркие?

– В основном, – уклончиво отвечаю я.

Вспоминаю, как бежала, падала, как меня трясло. Боюсь даже представить, что я здесь натворила. Моргаю, чтобы сфокусировать взгляд, и осматриваю комнату, ищу доказательства ночного буйства. Но вокруг все целое.

– В том-то все и дело, малышка, – понимающе подмигивает Ральфи. – Твои показатели во время быстрого сна намного превышали норму, но даже палец не пошевелился! – Он, не скрывая радости, ухмыляется и шлепает себя по коленям. – Спала сном младенца! Ну, довольна?

Эту новость я ждала последние шесть лет. Я ее буквально вымолила. Улыбаясь, охотно даю ему «пять». Но если честно, боюсь поверить, что это так. Кошмар казался таким настоящим, а монстры – такими живыми...

– И такая реакция на этот препарат обычна? – интересуюсь я.

– Спать, неподвижно лежа в кровати? Для этого и придумали «Дексид».

– А как же сны?

Ральфи на секунду задумался.

– Знаешь, я не должен это обсуждать, если только между нами...

Я поклялась, что буду молчать, и дала слово скаута.

– Помнишь, я сказал, что есть еще пациент, который видит сны? Так вот – вас только двое. Довольно странная реакция во время фазы быстрого сна. Ни у кого больше мозги так себя не ведут. У тебя даже лобная доля светилась!

– Это плохо? – спрашиваю я, широко раскрывая глаза. – Наверное, плохо.

Ральфи смеется и качает головой:

– Совсем нет. Зато парню, который всю ночь пялится на результаты сканирования мозга, не так скучно. Это сны, детка. Ты всегда их видела. И никакое лекарство это не изменит. Всего лишь сны.

Ральфи встает и начинает гроыхать по всей комнате, складывая распечатки, возится с приборами.

– Честно, Сара, это ведь здорово! Еще пара ночей под наблюдением, чтобы точно понять, что «Дексид» тебе подходит, и потом, если повезет, тебе больше никогда не придется лицезреть мою мерзкую рожу.

Он растягивает себе щеки и трясет ими, как желе.

– А мне твоя рожа нравится, – отвечаю я. А сама мысленно добавляю: «По крайней мере, она с глазами».

Хотя Ральфи прав. Это здорово! Таким результатам нужно радоваться. Думаю, годы разочарований сделали из меня трусиху. Но на этот раз не надо смотреть дареному коню в зубы. И я пытаюсь не смотреть.

После того как меня отключили от всех приборов и я смыла с волос гель, собираю вещи и иду на улицу ждать, пока меня заберут. На голубом небе ни единого облачка, а легкий ветерок холодит кожу. Я в принципе больше люблю день, а это утро дарит чувство смутной тревоги. Оно чересчур яркое, чересчур идеальное.

Оно слишком похоже на затишье, после которого грянет буря...

Глава шестая

– Давай только не будем подсаживаться на эти объяснительные, – говорит мама серьезным тоном взрослой женщины. И подмигивает, передавая мне свернутый листок.

– Мам, ты хоть раз писала записку в школу, что я опоздаю, в другие дни, кроме стационарных? К тому же, если Ральфи прав, моя карьера актрисы ярмарочного балагана уже катится под откос.

Мама хмурится.

– Я все равно не уверена, Сара, – признается она. – Понимаю, ты хорошо выспалась, но лекарства, на мой взгляд, – это не выход.

– А песни выть, значит, выход? – спрашиваю я, закатив глаза.

– Это несправедливо! – хмурится мама. – Ты сдалась после двух встреч с доктором Рави. Я уверена, что есть эффективные способы, которые могут помочь, если постараться и довести курс до конца. Я хочу сказать: на самом деле постараться. Не всегда лучший вариант – накачивать себя лекарствами.

Я сверлю маму взглядом. У меня имеются собственные опасения насчет того, что повлекут за собой события прошлой ночи, но слышать, как она озвучивает мою невысказанную тревогу, нет сил, и я взрываюсь:

– Ты шутишь?! После шести лет кошмара доктор Эриксон в конце концов находит лечение, которое позволит мне жить нормально, а ты предлагаешь от него отказаться, искать что-то еще?

Глаза матери расширяются, и, капитулируя, она поднимает руки.

– Дорогая, конечно, я не это хочу сказать. Просто напоминаю, что в последний раз, когда ты пробовала сильные лекарства...

– Я не забыла, – перебиваю я, с каждым ее словом мое раздражение нарастает. – Это у меня обездвигило челюсть вместо тела. А до этого, помнишь, выпали все волосы? Я-то помню... Ведь это было со мной. Это все происходит именно со мной! Я не двигалась всю ночь, впервые, так что уж простите, если пытаюсь просто радоваться. И я хочу сказать: *на самом деле* пытаюсь.

Я отвечаю маме ее же словами, что заставляет ее вздыхать, но я дожимаю:

– Наклевывается шанс жить как нормальный человек, измениться, чтобы твою дочь не считали чокнутой психопаткой, а ты меня не поддерживаешь ни капельки. Разве этому тебя учат на психологических тренингах? Если да, я бы попросила деньги вернуть обратно.

Мама хочет взять меня за руку, но я отталкиваю ее. Тогда она кладет руку мне на колено и смотрит через лобовое стекло на залитый солнцем день.

– Ты не чокнутая, – тихо говорит она.

Может, и нет, но даже по моим меркам веду себя явно как капризный ребенок...

Какое-то время сидим в машине молча. Болезнь изменила не только мою жизнь. Я это знаю. Сомневаюсь, что за все эти годы мама хоть раз поспала нормально. Счета от врачей, лечение не помогало, еще и отец свалил, когда мне было двенадцать. Мать страдала не меньше моего. Но она никогда не давала мне повода почувствовать себя обузой, хотя я понимаю, что так и есть.

– Может быть, я смотрю не под тем углом, – внезапно заявляет она. – Может быть, в случившемся с Джиджи и ее родителями есть положительное. Может, наш луч надежды – «Дексид»? – Я разворачиваюсь к ней, мама выжимает улыбку. – Мне просто страшно, милая. Прости...

– Мне тоже, – признаюсь я, опустив плечи. Наклоняюсь к ней через сиденье, обнимаю и шепчу на ухо: – Стыдно и страшно.

– Знаю. – Слова застревают у нее в горле. – Лучше бы это случилось со мной... Слезы шиплют глаза, и, пытаясь подавить всхлип, я смеюсь:

– Нет, нет! – и трясусь головой. – Я утром ресницы накрасила! Нельзя реветь. Мама всхлипывает.

– Ты должна выглядеть на все сто! Меньшего мы допустить не можем. – Она достает из сумочки салфетку, протягивает мне. – Не переживай. Не важно, потекла тушь или нет. Ты выглядишь отлично.

– Естественная красота, – усмехаюсь я.

– У тебя хорошие гены. – Мама хлопает ресницами и взбивает прическу. – Не то что у бедняжки Джиджи, – добавляет она, и ее кокетство становится смертоносным. – Я и позабыла, какую работу пришлось проделать ее матери. Не пройдет и десяти лет, как Джиджи будет сидеть на ботоксе и по третьему разу перекраивать нос.

– Мам! – У меня отвисает челюсть. – Что бы на это сказали те, с кем ты медитируешь в кругу?

– Да ладно! – отгоняет она мое напускное беспокойство. – В ту секунду, как семейство Макдоналдов стало угрожать моей дочери, мой круг превратился в огненное кольцо.

Я целую ее в щеку.

– Мне надо идти, – отстегиваю ремень безопасности. – Доктор Гордон терпеть не может, если меня нет на месте. Кто тогда остановит Тессу, когда она будет взрывать химкабинет? Спасибо за записку, мам. Ты лучшая!

Я выпрыгиваю из машины и машу ей вслед.

Стою перед школой. Воспоминание о вчерашней стычке с Джиджи пульсирует под фантомным отпечатком на левой щеке. Думаю об уродских монстрах из ночного кошмара: интересно, они пугают больше или меньше, чем то, что, черт возьми, уготовила мне сегодня Джиджи? Пытаюсь отделаться от картинок безликих чудовищ и уже знаю ответ.

– Ха! – озвучиваю его вслух сама себе. – Кое-чего я боюсь больше, чем Джиджи...

Смеюсь над нелепостью всей ситуации и направляюсь в класс. Решаю проигнорировать главный вход и воспользоваться менее популярными Западными воротами – они ближе к лабораториям. Охрана, конечно, должна закрывать все двери, кроме центральных, хотя они обычно забывают. Но когда я подхожу, дверь не поддается.

– Ну давай же... – ворчу я, дергая ручку. Безрезультатно. Мироздание пакостит мне всеми доступными способами. Это меня достало, и я пинаю дверь, произнеся такое слово, которое приличным девушкам даже знать не пристало.

– Эй, полегче! – слышу голос из-за спины. – Сама опоздала, а виновата дверь?

Разворачиваюсь и замираю. Сумка соскальзывает с плеча и падает на землю. Прислонившись к пустой велосипедной стойке, стоит Уэс Нолан. Губы изгибаются в полуулыбке, идеально сочетающейся с искрящимися зелеными глазами. Слегка выгоревшие каштановые пряди эффектно растрепаны, словно он только проснулся, и за исключением идеально неидеального носа с горбинкой единственный формальный изъян – крошечный шрам над правой бровью. Это можно простить: он привлекает к глазам больше внимания. Ведь когда в них смотришь, все пропало... Если бы Уэс не был так настроен против социальной лестницы старшей школы, он бы легко попал на ее вершину.

– А, привет! Ты меня напугал.

– Это понятно. – Он сверлит меня взглядом.

Уэс – яркий представитель выходцев из Ирландии, я же – стопроцентная ассимилированная американка: чуточку от голландских завоевателей, немного от латиноамериканцев, все это щедро разбавлено кровью жителей Юго-Восточной Азии. Я прекрасно знаю, как взять себя в руки, но его пристальный взгляд заставляет меня принимать близко к сердцу любую маломальскую несуразность собственной внешности. Едва заметный неправильный прикус, кото-

рый я иногда прячу, слегка вытягивая губы, нос шире стандартного, что не позволяет считать его совершенной пуговкой – а именно к этой форме так стремятся пластические хирурги... Мое лицо – и все, что ниже, – просто пылает.

– Что ты здесь делаешь? – умудряюсь просипеть я.

– Тебя жду, – признается он приятным низким голосом. Потом откидывается назад, прищуривается, а его взгляд пронизывает меня насквозь, до неприличия.

Я громко вздыхаю. В животе пульсируют электрические разряды, а на руках встают дыбом волоски. Пытаюсь сглотнуть, но мой рот, похоже, больше не вырабатывает слюну. Прижимаюсь спиной к двери, ощущая спасительную боль от дверной ручки, которая уперлась мне в бедро. Может, хоть это уберезет меня и я не лишусь чувств, словно какая-то дурочка из девятнадцатого века. А если я все-таки грохнусь в обморок, будет ужасно, если Уэс меня подхватит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.